

садами Александрии, увидев все наиболее интересное в Белой Церкви, 1 августа мы вернулись в Киев и провели там еще несколько дней. Вернувшись в Орел, мы увиделись еще на некоторое время с семьей Хлоповых и направились в Москву. 13 августа Москва снова предстала перед нашим взором, и, к нашему великому удовлетворению, показалась нам в лучшем состоянии, чем была, когда мы проезжали по ней впервые. Многие каменные дома, лишь стены которых уцелели при пожаре, были восстановлены заново, и в них уже жили. Нескончаемое множество рабочих всякого рода трудились в разных местах города. Шум их молотков, сочетающийся часто с их пением, оживлял город, так недавно пустой и весь в пепле. Мы покинули Москву. Чтобы сократить скуку поездки, мой дядя велел читать вслух перевод «Матильды, или О крестовых походах».^{VI} Иногда он любил рассказывать мне про царствование Екатерины и однажды сообщил мне в следующих словах о восшествии ее на престол. «Накануне Петрова дня в 1762 году государь, императрица и весь двор отправились в Петергоф, чтобы там провести именины императора; но, вместо того, чтобы посвятить этот день увеселениям, государыня в ту же ночь уехала в Петербург со всей своей свитой. Прибыв туда в три часа ночи, она остановилась в Летнем дворце, который в то время находился там, где нынче музыкальный клуб, на углу Мойки и Невского. Я был тогда сержантом в Преображенском полку, и, к великому моему удивлению, меня разбудили в четыре часа утра. Нам было приказано немедленно отправиться ко Дворцу; императрица стояла уже на балконе, окруженная вельможами и преданными ей полками. Их пушки были заряжены и поставлены так, чтобы по первому знаку начать пальбу. Привели к присяге сначала Измайловский полк, который своими знаменами и приветствовал ее как русскую императрицу. Этот полк был расставлен по Мойке с заряженными ружьями. Потом явились и другие полки и расположились таким же образом. Я также должен был присягнуть, дивясь, что приходилось возобновлять присягу так часто и что ее так дурно соблюдали, ибо не прошло еще и двух лет с тех пор, как присягали Петру III, а теперь клялись в верности императрице, не зная даже, что сделалось с несчастным государем; но все это совершалось с такой строгостью и велось так искусно графами Орловыми и самой государыней, что наиболее преданные Петру III полки повиновались беспрекословно и присягнули его супруге. Тотчас после этого великого обряда, не дав войскам отдохнуть ни минуты, нас погнали в Петергоф, чтобы привести к присяге те полки, которые там оставались. Оттуда императрица, надев преображенский мундир и сев на прекрасную белую лошадь,* с обнаженной шпагой в руках вступила торжественно в Петербург. Она была

* Эту лошадь еще показывают в кунсткамре.